

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ-КОНКУРС

20—28 мая 2010 года

НОВО-СИБИРСКИЙ ТРАНЗИТ

ЗА 8 ДНЕЙ ОТ УРАЛА ДО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Администрация Новосибирской области, Министерство культуры Российской Федерации
Союз театральных деятелей РФ, Мэрия города Новосибирска, Новосибирский театр «Красный факел»

«НОВОСИБИРСКЪ-ТРАНЗИТНЫЙ»

В вокзал «Новосибирскъ-Транзитный» превратился «Красный факел» — главная площадка фестиваля. На ближайшую неделю афиши заменило расписание поездов-спектаклей.

20 мая на площади перед театром среди наших современников можно было заметить людей прошлого столетия. Колоритные (кто с фингалом, кто с папирской) газетчики громко выкрикивали «Свежая пресса!», утончённые барышни проплывали в длинных платьях, продавщица зычным голосом привлекала пирожками «с пылу с жару», дворник с растрепанной седой бородой мёл улицу, а знатные господа с чинным видом катались вокруг театра в повозке, запряжённой лошастью. Все роли исполнили актёры «Красного факела» и студенты Театрального института. Музыканты — новосибирская творческая мастерская «Ангел Копуста» — расположились на крыльце театра-вокзала под вывеской «Трактирь». Одетые в длинные чёрные плащи старинного покроя и чёрные котелки, они играли легко узнаваемые мелодии века минувшего.

У лестницы на входе в театр для всех замерзших и проголодавшихся был накрыт стол с горячим самоваром и сушками. Предлагался и портрет в интерьере: высокое красного бархата кресло с резными ножками, напудренные парики и другие атрибуты дореволюционной эпохи.

А на перроне тем временем готовился к путешествию первый из восемнадцати поездов «Ново-Сибирского транзита». Начальник вокзала господин Кулябин Александр Прокопьевич вышел на платформу, чтобы лично объявить об отправлении. Ударили в гонг, и пассажиров, еле вместившихся в вагон, доставили прямиком в «Тёмные аллеи» машинисты Красноярского драматического поезда имени А. С. Пушкина. Фестиваль набирает ход.

Татьяна Настина

КОРАБЛЬ ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Иван Бунин «Тёмные аллеи», режиссёр Олег Рыбкин (Красноярский театр драмы им. А. С. Пушкина)

Со сцены звучит проза Бунина, герои его рассказов «Тёмные аллеи», «Генрих», «Месье», «Мадрид», «Пароход «Саратов» волей драматурга Ольги Никифоровой сошлись в одном месте — на пароходе, плывущем в никуда.

Весь мир уместился на корабле. Гудят трубы, завывает штормовой ветер, скрипит палуба. Героям спектакля «Тёмные аллеи» и до этого не сиделось на месте, кажется, всю свою жизнь они изучали расписания поездов и металась между перронами и гостиницами. А теперь обратной дороги нет. Куда они плывут? К берегам обетованным. «Константи-

нополь!» — торжественно объявили в финале, и сразу после этого поставлена точка. Черта подведена, что за ней — неизвестно, а позади осталась прежняя жизнь. Или жизнь вообще.

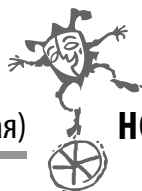
На пароходе комфортнее, чем дома. Эмигранты курят сигары, пьют водку, слабея душой, рассказывают друг другу о женщинах. Истории несостоявшейся любви — это истории несостоявшейся жизни вообще. Женщины и здесь окружают их, пары кружатся в завораживающем танго, безмолвные официанты предупреждают каждый жест, и непонятно, час прошёл или год, время здесь течёт по-иному и не поддается измерению. Иногда кажется, что корабль будет плыть вечно, конечная точка путешествия — это мираж.

Медик, литератор, помещик — за столом в центре кадра. Пьяный офицер на костьле небрежно и бесцеремонно раскланивается с публикой. Гонится за прекрасной Еленой, как за ускользающей тенью, а достигнув, стреляет в неё. Она принадлежит другому, она осталась в прошлом, она была когда-то. Иных уж нет, а те далече — и нет той, которая любила бы здесь и сейчас. «Хорошо только короткое счастье», — роняет один из персонажей, находясь, как и другие, на зыбкой границе между прошлым и будущим.

На заднем экране мелькают кадры чёрно-белого фильма. Любимый приём Рыбкина — с помощью кино намекать на иную жизнь, недостижимую и прекрасную. Спектакль — тоже как кино, на первый план входит то одна пара, то другая, а свет гаснет (или задерживается штора) ровно тогда, когда двое падают на кровать. Или в лодку, установленную на верхней палубе. Всё дышит любовью, а любви нет, только тоска по ней. Как нет и Родины — лишь тоска, одна тоска.

Спектакли Олега Рыбкина никогда веселыми не были. Он откровенен и безжалостен, но именно после такого театра и хочется жить.

Яна Колесинская

«“ТРАНЗИТ” ПО СТАТУСУ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ, А ПО УРОВНЮ ОРГАНИЗАЦИИ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ» Нина Рубцова, главный администратор Красноярского драматического театра имени А. С. Пушкина

Красноярскому драмтеатру имени Пушкина выпала честь открывать последний, VII региональный «Сибирский транзит» и первый межрегиональный фестиваль-конкурс «Ново-Сибирский транзит». Этот, один из ведущих театральных коллективов Сибири, закономерно становится участником всех «транзитных» форумов, поэтому у молодого, но опытного администратора Нины Рубцовой есть с чем сравнить.

— Я, как и наш главреж Олег Рыбкин, была несколько расстроена из-за того, что «Тёмные аллеи» Бунина на краснофакельской сцене прошли хуже, чем у нас в Красноярске, — спектакль утратил богатство полутонов. Особенно в женских ролях появилась какая-то монотонность. Это вовсе не потому, что актёры устали с дороги, не могли собраться. Наоборот. Мы попали в райские условия — приехали накануне показа, успели выпастись перед репетицией, пока монтировались декорации. Впрочем, это постоянная

«ДЕВУШКА ИЗ СНА... ЗА РУБЛЬ»

«Тёмные аллеи» — галерея женских образов, как банально это бы ни звучало. Именно галерея: одна нерешительная, другая строгая и гордая, третья простушка, четвертая малолетняя уличная девушка... Девочек, девушек, женщин на сцене столько, что не пересчитать. Одна сменяет другую, всплывая в воспоминаниях очередного джентльмена, распивающего шампанское, с затуманенной головой от мыслей о женских ласках, о былых историях, может быть, и настоящей любви.

Из всех женщин больше всего запомнилась Поля Викторнии Болотовой из рассказа «Мадрид». Образ молодой девушки, неумело раздевающейся возле кровати своего покупателя, подсакивающей от страха, что уснула в постели мужчины...

«А вы сколько дадите? — Рубль за любовь, рубль на булавки».

Наивная... Её образ умиляет, заставляет переживать, невольно вынуждает сочувствовать. Юная сирота, оказавшаяся в кровати с мужчиной, арендовавшим её на ночь...

Светлана Языковская

фестивальная проблема: невозможно предугадать, что получится, а что нет. Например, декорации «Чайки» на огромной сцене Алтайского краевого театра драмы им. Шукшина в Барнауле, где мы выступали на последнем «Сибирском транзите», выглядели гораздо лучше, чем дома. Там создалась атмосфера космоса и микромира, принадлежащего ему. Пространство задало новый объем и масштаб самой истории. Сейчас же вдруг в идеальных условиях актрисы разволновались.

— А почему?

— Пожалуй, это объясняется повышенной ответственностью. Они, кстати, на «Золотой маске» меньше волновались, там было априори понятно, что премий не снискать. А здесь мы играли не ради премии, но желали подтвердить творческую репутацию труппы и не подвести нашего режиссера. Всем известно, что Олег Алексеевич начинал в «Красном факеле», именно здесь выпустил свои первые значительные постановки. Между нашими театрами существует необъявленная конкуренция, незримая ревность. Условно говоря, каждая последующая работа должна быть лучше предыдущей. К тому же репутация местного, сибирского фестиваля для нас безупречна: участвовать в нем радостно, гордо, почетно. Одно то, что Экспертный совет возглавляет Олег Лоевский, дорогого стоит. У нас в театре все в него влюбилось, любили каждое его слово на обсуждении.

— Нина, вы за 18 лет работы главным администратором крупнейшего театра Сибири побывали на многих не только российских, но и международных фестивалях. Какие отличия, недостатки или плюсы в сравнении с другими театральными форумами имеет «Ново-Сибирский Транзит»? Наверное, вы в первую очередь обращаете внимание на организационную сторону дела?

— Конечно, моя основная задача — привезти группу, обеспечить показ, увезти всех в целостности-сохранности. Я работаю за кулисами, но не могу оставаться равнодушной к тому, что происходит на сцене. Театральные фестивали — отнюдь не бизнес в чистом виде, а зона творчества. Важным слагаемым для того, чтобы фестиваль состоялся, стал значимым, знаковым явлением, являются такие нематериальные понятия, как энтузиазм, самоотверженность, увлеченность. Все эти прекрасные качества у организаторов — команды, возглавляемой Александром Кулябиным, — были изначально. Я это отметила еще 9 лет назад. А сейчас убедилась, что команда организаторов значительно поднаторела, выросла, окрепла. Фестиваль не только по качеству афиши, а и по организационному уровню подготовлен безупречно, все продумано до мелочей. Он дает фору многим международным форумам. Я считаю, в этом заслуга руководителя оргкомитета Ирины Васильевны Кулябиной, которая очень трепетно относится к артистам, к талантам. И за границей далеко не всегда фестивалям сопутствует подобный уровень организационного и технического сопровождения. Мы с момента встречи кураторами на вокзале ощутили себя желанными гостями, а когда нас провожали, едва не прослезилась. Уезжать не хотелось. Мы все завидовали завлиту Ларисе Лейченко — единственной, кто останется до закрытия «Ново-Сибирского транзита» и всё увидит.

Ирина Ульянина

«КИНОСНОВИДЕНИЕ»

Сумрак аллеи. В нём может почудиться что угодно. Начинают мерещиться тени прошлого. То, о чем всегда старался забыть, но что всё равно не отпускало, оживает в памяти. В такой призрачной атмосфере мы застает персонажей «Тёмных аллеи».

Ощущение, что мир спектакля — чьё-то сновидение, возникает благодаря сценографическому решению. Событийный фокус, с одной стороны, внезапно, с другой, плавно перемещается с нижней палубы кают-компани на верхнюю и обратно. Истории перетекают друг в друга, не имея очевидных логических связей. Внимание рассеивается в буквальном смысле в поисках новой сюжетной линии, едва успев сконцентрироваться на предыдущей. В памяти всплывают «Париж, я люблю тебя!», «Нью-Йорк, я люблю тебя!»... Сценическое действие хочется разбить на главы по аналогии с кинорольботами Джима Джармуша и Квентина Тарантино.

Поддерживая идею грёз, то за стеклами иллюминаторов, то на одной из палуб появляются воздушные балерины. Они кажутся сияющими и прозрачными невесомыми видениями. Они существуют вне сюжета, возникают и исчезают как метафора неуловимости любовного переживания — лейтмотива всего творчества Ивана Бунина и в особенности сборника рассказов «Тёмные аллеи».

Татьяна Настина

«ДУЭЛЬ ПРАВДЫ С УСЛОВНОСТЬЮ»

Антон Чехов «Дуэль», режиссёр Пётр Шерешевский (Новокузнецкий драматический театр)

Слышно, как бьёт прибой. На каменистом пляже двое. Мужчина в полосатом закрытом купальнике загорает на лежаке, слуга без устали протирает стаканы. Итак, одна дуэль за место под солнцем состоялась.

Чеховская проза бережно передана актёрами, но зазор между театром и текстом подчеркивается неоднократно, избавляя действие от простой иллюстративности. Пустые тарелки за обедом, имитация живого огня и игры на фортепиано, стрельба на дуэли из пальца... Каждый участник спектакля, появляясь на публике, сообщает имя своего персонажа, а после — и свою фамилию: «Иван Александрович Лоевский — артист Евгений Любичский». Но перед нами, конечно же, не этикие ходячие программки.

Евгению Любичскому, без сомнения, удалось показать внутренний мир человека, терзающего себя и своего друга Самойленко вопросом: можно ли жить с женщиной без любви?

Барон фон Корен пылко осуждает Лоевского. Впрочем, фон Корен из тех, кто быстро переходит от слов к делу. Монолог о том, какой вред принесут лоевские России проходит в формате лоботомии. Фон Корен — зоолог, и в нём не умирает привычка исследовать. Сказалась многолетняя практика врача, неисцелённого и потому неспособного исцелять других: фон Корен лишь рассматривает людей под увеличительным стеклом. Зоолог — человек смерти. И вне всяких сомнений, именно по просьбе барона в антракте прямо перед зрителями поставят ещё один ряд стульев для того, чтобы все по очереди выходили ломать трагедию.

Все артисты продемонстрировали органичность в умении держать перспективу

роли. Бумажный кораблик в финале — из того, что переиграть нельзя. Но если очень хочется, то можно. Интеллигента Самойленко проникновенно сыграл заслуженный артист России Вячеслав Туев. Хороша Октябрина Романова в роли Марьи Константиновны, которая строит свою жизнь на подчеркивании различий между ней и Надеждой Фёдоровной. А это прелестное создание, находясь рядом со своим сожителем, беспрестанно ест. Не надо быть доктором Астровым, чтобы понять: это защитная реакция организма на бесконечные философствования. Обаятелен смешливый и любопытный дьякон Олега Лучшева.

Море в этом спектакле — собравшаяся публика, человеческое море. И произноса один из монологов, Надежда Фёдоровна тонет в предрассудках и кознях. Настоящей воды на сцене — на глубину ладони. Жажда не утолить. Лоевский жаждет понимания своего предназначения в жизни, в союзе мужчины и женщины. Его трагедия в том, что протестуя против неискренности, он сам при этом — плоть от плоти тотальной фальши между людьми.

По Шерешевскому, жизнь всех этих чеховских персонажей — борьба, но борьба за «одно лишь свидание». Надежда Фёдоровна всем мужчинам кажется слишком легкой добычей. Измена Лоевскому была. Но простить можно только того, кого любишь. И на поклоны Лоевский выходит с надеждой. Надеждой Фёдоровной. Рифмы — первый шаг к поэзии. А идеальных людей очень и очень мало. Реже них встречаются только зелёные сол-

нечные лучи.

Уезжают с Кавказа чеховские герои. Покидает зрительный зал публика. Все проходит мимо крупной гальки внезапно ставшего чужим курорта. Но время собирать камни ещё не пришло. Общеизвестно, что дуэль неотделима от понятия чести. Нужен ли моральный кодекс строителям капитализма — вопрос открытый. Всё-таки мы уже знаем, что такое продолжать жить, когда вырублен вишневый сад.

Юрий Татаренко

«ТАКОЙ ЖАЛЬ ПРОПУСТИТЬ»

Здравствуй, драгоценная моя!

Никак не могу сегодня уснуть, вот и решила написать. Ты давно в Новокузнецке-то в театр ходила? А то сходи, погляди в драматическом «Дуэль». Ты и лучше, может быть, спектакли видела, да такой жаль пропустить. Из-за него и не сплю.

Только ты, душенька моя, иди глядеть в настроении лёгком, когда дома всё устроено будет. Потому что заплачешься там и настрадаешься так, что не ровён час подумаешь: «Злой Чехов, неверующий в человека, в любовь к нему».

Если опоздаешь да программку не успеешь купить, не тревожься. Артисты же сами и расскажут, кто кого играет. Шутить будут, здороваться с тобой. Но ты, душа моя, больше мучиться будешь, чем смеяться.

Роман Ватошкин (художник, значит) придумал всё просто и затейливо: терраса со столом и стульями, что в коней иногда превращаются, завеса серая лёгкая — то кулисы, то почти другой мир изображает. Помост белый дощатый, вода под ним. Вот ты привыкла, что вода — символ жизни. А здесь-то она, скорее, символ её горестей, мук и печалей. Кто в сапогах резиновых по ней ходит — тот, вроде, ничего живёт. Сергей Стасюк, например. Ну, то есть Фон Корен, озверевший в своей принципиальности, с редкими проблесками способности к теплоте. А Евгений Любичский со своим Лоевским и Алёна Сизорская с Надеждой Фёдоровной так выможили постоянно. Её, бедную, так вообще один «порядочный человек» Андрей Ковзель (в смысле, Кирилин) прямо в воду бросает, когда Лоевский за свиданием их застает. Да доктор Самойленко, Вячеслав Туев, иногда свои туфли мочит. Добрейший, простейший человек! Он всё переживает, чтобы столовщиц своих хорошо накормить. Но ведь самый отзывчивый. Хоть и не совсем понимает эти горести Лоевского. Ему просто жаль, что человек мучается.

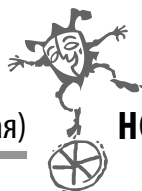
Милая, как мне хотелось просто обнять, утешить по-матерински, может, чем помочь Лоевскому. Вот дура старая! Ведь знаю, что это актёр Лоевского играет, что в театре сижу. Но сердце рвётся от боли — такой он измученный. Глаза воспалённые, руки трясутся, смотрит затравленно, отчаянно сколько в глазах! Сдавленный весь, сгорбленный. И как живёт человек? Ищет, верит, му-

чается, а только ерунда да грех выходит.

Екатерина Ивановна, ты всё же выбери время. Посмотри да мне Расскажи, что увидишь. Ты-то, знаю, сударыня строгая, театры только так разбираешь. Это я в простоте душевной всё смотрю да радуюсь и страдаю. Твоего мнения жду, но в сердце своем поберегу этот спектакль.

Твоя Федора Ивановна,
то есть Юлия Бармаева

«ГЛАВНОЕ НА ФЕСТИВАЛЕ — САМ ФЕСТИВАЛЬ»

Алексей Бартошевич, председатель жюри

— Алексей Вадимович, почему вы согласились возглавить жюри «Ново-Сибирского транзита»?

— Главная причина — творческая состоятельность сибирских театров. Многие из них, приезжая в Москву, показывают очень интересные вещи. Могу признаться, я с удовольствием согласился приехать в Новосибирск, тем более, что ни разу в жизни здесь не был!

— На пресс-конференции в день открытия «Ново-Сибирского транзита» вы сказали, что главное на фестивале — сам фестиваль, а все остальное не имеет большого значения...

— Вы же совершенно не так воспроизвели мою интонацию! Я хотел сказать самую простую вещь: имена победителей конкурса — это существенно, но не самое главное на этом фестивале. Гораздо важнее сам факт его проведения. Разумеется, победителям всегда приятно ощущать себя победителями, а поражения — всегда неприятны проигравшим. Но это не вопрос жизни для театров. А главное для них — это возможность общаться, возможность увидеть искусство коллег и показать своё. И сопоставить какие-то моменты. Фестиваль — это обмен художественной информацией. Это способ понять, что происходит. Понять всем — актёрам, режиссёрам, директорам, и, конечно же, публике.

ПОЧЕМУ МЫ С ВАМИ В ЭТОМ КАБАКЕ?

Жан-Люк Лагарс «Мы, герои», режиссёр — Франсуа Рансийак (Екатеринбургский ТЮЗ)

Проходишь на большую сцену «Глобуса», за выстроенные на ней ограждения, и оказываешься в маленьком, интимном мирке бродячих комедиантов. Сидеть на полу на пуфике оказывается хоть неудобно, но выгодно, с точки зрения «эффекта присутствия»: чувствуешь себя невидимкой внутри артистической гримерки.

Итак, было у отца с матерью трое детей. Старший — неповзрослевший подросток, вечный бунтарь. Средняя — несчастная толстушка на комических ролях, ищущая опору в жизни и в отчаянии цепляющаяся за нелюбящего её жениха. «Младший вовсе был дурак» — инфантильная полуидiotка с густо размалеванным лицом и перекрученными руками. Нет, не так. Это не русская сказка. И даже не драма в стиле Чехова, несмотря на мне-

И второй момент. Нельзя не согласиться с Александром Кулябиным, сказавшим на той же пресс-конференции, что фестиваль — это развернутый на восемь дней спектакль. Да, это спектакль — с завязкой, кульминацией, развязкой, драматической конструкцией. Причём вся эта структура — вполне художественное явление.

— Планируете ли вы обсуждать спектакли по просьбе театров?

— Это деликатный вопрос. Члены жюри вряд ли могут обсуждать спектакли до объявления результатов конкурса. На некоторых фестивалях такие обсуждения проходили, и я считаю, что это правильно. Но только анализировать работу театра должно не жюри, а приглашенные специалисты: критики, режиссёры... Кстати, режиссёры о театре говорят лучше, чем критики! Но вот, например, на «Золотой Маске» есть правило: никаких обсуждений.

— Вы ходите на фестивальные капустники. Вам интересен и этот жанр?

— Ну конечно. Я же нормальный человек, который любит посмеяться. Есть и семейная причина моего интереса к актёрскому юмору. Моя жена в течение многих лет писала большую книгу о русских кабаке, в том числе и о кабаке Художественного театра с его капустниками. Я вообще люблю актёров, это очень отзывчивые, эмоциональные люди, легко идущие на контакт.

— Современный интересный спектакль — это...

— Тот, который мне сообщает что-то обо мне самом и о времени, в котором я живу, уж простите за такую банальность. Ещё мне важно, чтобы играли хорошие актёры. В последнее время это встречается крайне редко. Все чаще и чаще на сцене господствуют пластические метафоры, в которых актёру поручается роль некоего телесного знака. А ведь русская актёрская традиция заключается совсем в другом.

— Может быть, вы расскажете о своих приоритетах в отношении столичных театров?

— Все очень просто: никаких особых пристрастий у меня нет. Что хорошо — то хорошо. В то же время у меня есть два любимых театра в Москве: это мастерская Фоменко и студия Женовача. Я могу приходить в полнейший восторг от шекировских спектаклей Някрошюса, но сказать с полным правом «это — мое» могу лишь про эти два театра.

Юрий Татаринов

ние французов о Лагарсе, как о его духовном «внуке». Это текст драматурга-европейца, поставленный французским режиссером, и, судя по деталям в оформлении, это очень «французский» спектакль. «Настоящее французское вино» в деревянных винных корзинах, брошки, шляпки с вуальками, серебряные подносы и букетики цветов в петлицах. Но место действия пьесы совсем не так четко определено. И не только потому, что семейная труппа бродячих артистов перемещается из города в город.

Кафкианский абсурд, частая логическая необъяснимость происходящего в пьесе (Лагарс брал эпиграф к пьесе и имена для своих персонажей из дневников Кафки) перенесена и в спектакль. Почему в одном и том же спектакле бродячей труппы сочетаются персонажи в одеждах эпохи Шекспира, в древнегреческой тунике и человек в костюме орангутанга, неважно. Это «труппа вообще», «вообще местечко», «где-то в центре Европы». Где-то перед второй мировой войной, в которой, как говорит один из персонажей, они все погибли в самом начале, не успев ее заметить. Поэтому мало кого из героев волнует предстоящая война, и они спокойно рассуждают о возможной поездке в Нюрнберг. Надлом привычной жизни идет не извне — изнутри. Герои замшелы, как их костюмы, роскошно украшенные отделкой, но поношенные, залатанные, передаваемые из поколения в поколение. Сами выглядят как музейные экспонаты. Подцепляют разговорные интонации у своих персонажей, разговаривают тоном королевы Гертруды или мюзик-холльного импресарио. Не видят своей нелепости и старомодности и серьезно рассуждают о высоком искусстве. Каждый день после спектакля ведут одни и те же диалоги о своих болячках или посаженном пятне с одними и теми же интонациями, в одних и тех же словах. У каждого из них — наблевшее внутри, нарыв, который должен привести к кризису, взрыву. Жить как раньше? Исправить то, что есть (в порыве «модернизации» предприятия даже делается попытка поставить нелепую оперу, в которой, как ни странно, хорошо выражается суть истинных отношений персонажей)? Покончить с прошлым?

Один из них уйдет на войну. Другой — сбежит тайком в поисках «красивой жизни». Мать — маленькая, нелепая, но сильная, держащая на своих плечах и семью, и семейный бизнес, останется. Так кто же из них духовно сильнее? Кто прав?

Наталья Федченко

«ГЛУПОСТЯМИ НЕ ЗАНИМАЕМСЯ»

Николай Коляда, худрук «Коляда-театра», заслуженный деятель искусств РФ

Труппа авторского театра из Екатеринбурга прибыла на «Ново-Сибирский Транзит» в числе первых гостей. Спектакль «Трамвай „Желание“» по одной из лучших пьес американского классика XX века Теннесси Уильямса в их стационаре исполняется для 50 зрителей, а в Большом зале «Красного факела» пришлось играть для аудитории в 550 человек. Коляда напрягался, репетируя, давая интервью на ТВ и для радио. А на финальные аплодисменты вышел, как зайка, которого бросила хозяйка, — «со скамейки слезть не мог, весь до ниточки промок».

— Мы в своем театре капустников уже давно не делаем, не устраиваем, нам не до глупостей. «Не до жиру, быть бы живу». Мы все 6 лет существования заботились о том, как бы выжить, — рассказал драматург и худрук Николай Коляда, выйдя к микрофону в фестивальном клубе. — Но борьба за выживание породила ряд баек, которые могут использоваться как сюжеты для анекдотов или капустников. Например, когда наш театр пару лет назад объявил забастовку, голодовку, протестуя против выселения из занимаемого помещения, к нам съехались все телеканалы и прочие СМИ. Одна актриса, которой 67 лет, но выглядит она на 50, — Тамара Зимина — приехала в театр со страшного похмелья. Видимо, она выглядела самой несчастной, самой страдающей из нас, и поэтому журналисты окружили бедную женщину микрофонами. Спросили: «Как вы себя чувствуете?» Она: «Очень голова болит». — «И какие у вас выдвигаемые требования?» — «У меня? Требования?» Тамара не сразу и сообразила, а потом, обернувшись к коллегам, спросила: «Какие у нас будут требования? Чего просить — водки или пива?»

Коляда, экипированный в неизменную узбекскую тюбетейку и джинсовую куртку, ничуть не холеный и абсолютно трезвый, явно грустил по тому времени, когда сам выпивал. Пренебрегнув тусовкой, он отправился спать в отель. В фойе продавались многочисленные сборники его пьес с автографами. Известно, что Коляда — самый плодовитый автор в России, но на фестивале все, кто зряч, могли убедиться, что ему «ни рубля не накопили строчки», как и Маяковскому. Коляда выглядел переутомленным, скорее, запущенным, нежели ухоженным, одиноким, как гармонь из песни. Его не радовали, не бодрили комплименты, но выручал дар «первым посмеяться над собой» На его подъеме он рассказал о гастролях со спектаклем «Ревизор» по Гоголю в Благовещенск, где только что реконструировали драмтеатр. Дело в том, что персонажи «Ревизора» по замыслу Коляды (согласно примененной им метафоре) месят грязь в корыте. Уже в первом акте грязь заляпала бело-

снежные колонны и позлащенные ложи, а директор театра огорченья не снесла, ее увезли на «скорой» с сердечным приступом. После финала стало еще хуже. Когда актёры отмывались от грязи, засорилась канализация. Власти города и театра вынесли приговор: въезд в Благовещенск «Коляда-театру» на ближайшие 500 лет воспрещен.

— Вам повезло, что мы привезли «Трамвай», а не «Ревизора». Подумаешь, слегка попрыгали, карнавальная мишурой сцену замусорили, — грустно пошутил Николай Коляда. — Искусство зачастую приносит куда большие разрушения, нежели благоустройство. Мой театр уж точно выбивает из колеи...

Ирина Ульянина

ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР

Теннесси Уильямс «Трамвай „Желание“», режиссёр Николай Коляда («Коляда-театр»)

На золотомасочном спектакле Николая Коляды «Трамвай „Желание“» зал был забит до отказа. Кому не хватило приставных банкетов, расселись прямо на полу. Знали, на что шли. Чтобы врать в эту эстетику, надо, как писал критик Валерий Кичин, задрать голову. И тогда, конечно же, тебе откроется совсем не помойка, с которой некоторые аристократы сравнивают «Коляда-театр».

Толпа балаганных уродов скачет, как заведенная, под американский марш. Ритм сумасшедшего карнавала, как смертельная воронка, всасывает в себя всех и каждого. Свора вваливается в жилище семейства Ковальски, и вакханалия обретает новый размах. Квар-

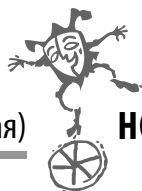

тирка усыпана мишурой, мусором, всякой дрянью, супружеское ложе Стэнли и Стеллы — это кучка грязного тряпья, впрочем, все здесь предпочитают совокупляться без затей, на полу, туда им и дорога. Звучит полечка, легенькая такая, неприязательная, под неё исполняется пластический этюд: прекрасная девушка и мужественный громилла, оба пьяные вусмерть, пытаются вступить в половую, так сказать, связь, валяют друг друга по полу, раскидывают тряпичные конечности. Короче, добро пожаловать.

Убогий социум с приметами американских реалий состоит сплошь из подонков. Но это издевка не над, упаси боже, американцами, не над их страной, где происходит действие и где была написана великая пьеса. Труссы подонков шиты из американского флага, но песни они предпочитают немецкие (фашисты любили те песенки), а замашки у них — как у наших, родных, примелькавшихся наркоманов из соседнего подъезда. До русского бомжатики здесь ближе, чем до Нового Орлеана. Индеец, который в патриотических фильмах олицетворяет величие и достоинство нации, здесь никакого отношения к тому не имеет. Это знак пошлого балагана, размалёванная безмозглая кукла. Скоро и он оказывается в тех же трусах, набитых той же мишурой.

Омерзительны все, особенно Стэнли. У Олега Ягодина это никакой не брутальный самец, не сексапильный мачо. Смачно плюет на расческу, прилизывает свои беледые волосишки, складывает расческу, как перочинный нож, и так всю дорогу. Но это цветочки. Если и падают в обморок на спектаклях Коляды, то, выдать, тогда, когда Стэнли начинает проветривать свои трусы. Что за этим следует, вы уже догадались. Бланш подташнивает от его манер — ну как же, как же, Бланш у нас из высшего общества!

Приговор вынесен с самого начала и обсуждению не подлежит. И даже Бланш, эта, согласно классическим канонам, жертва хищного мира, нежный цветок, короче, как обозначил её сам Уильямс, хрупкий мотылек, не вызывает сочувствия. Это холёная блондинка, которую так и хочется вытрясти из обнафталенинных тряпок и отправить к неграм на плантацию. Героиня Ирины Ермоловой — фальшивый бриллиант, поддельная купюра, манерная кукла, карикатура на Марлен Дитрих, чьи песенки она обожает. Кидается то на колени, то в истерику, то к бутылке. Ни одного искреннего слова, ни одного простого жеста. «Старая

дева, учительница», — рекомендуется она первому встречному поклоннику, кокетливо меняя позу и задирая при этом ноги в сетчатых чулках до самого потолка.

Потом, всего минуту, когда рассказывает ему о своём застрелившемся муже-гее, сгибаясь пополам от боли, она — настоящая. Теперь понимаешь, почему она бегает по комнате на полусогнутых, теперь многое что про неё понимаешь. Бланш не вписывается в это мир не потому, что он грязен, а она чиста, он бездушен, а у неё, видите ли, душа израна. Нет, не поэтому. Просто в этом мире нельзя быть слабым, а она слаба, безвольна, инфантильна, ещё и глупа. В этом мире нужно уметь защищаться, а не выставлять себя на посмешище. Да и не звали её сюда. Прав Стэнли: живёт в его доме, пьёт его виски, да ещё

недовольство высказывает. Её имя он произносит издевательски, как настоящий истязатель, умеющий уничтожать постепенно: «Блянш». В точку.

С особым волнением ждешь знаменитую финальную реплику пьесы: «Я всегда зависела от доброты первого встречного». Бланш произносит её, забывшись в чемодан, когда индеец, переодетый во врача, ласково протягивает ей руку. Скорей б он увёл её с глаз дальше, что ли. А не надо зависеть от доброты первого встречного! Не надо вообще рассчитывать на чью-либо доброту, если хочешь остаться самим собой в этом отвратительном, но прекрасном мире.

Яна Колесинская

«ПОДЛЕЦЫ — ОЧЕНЬ МИЛЫЕ ЛЮДИ»

Олег Ягодин, актёр «Коляда-Театра»

— Вы впервые и на «Транзите», и в столице Сибири. Какие ощущения?

— Новосибирский зритель очень воспитан, он любит, знает и понимает театр, и это очень заметно по его реакциям в ходе спектакля. Атмосфера на фестивале просто потрясающая. Мы много ездим, но я впервые встречаю такое сочетание роскоши и доступности, профессионализма и добросердечия. Нет никакой казённости. И понятно, что власти поддерживают развитие культуры в городе. К сожалению, у нас в Екатеринбурге такого нет.

— Что вас привлекает в вашем Стэнли?

— Мне не важно, кого играть, важно, про что мы играем. Всё, что есть в нашем спектакле у Стэнли, я нашел у себя. Фашизм во взаимоотношениях — эта тема сейчас вполне актуальна, не правда ли? В одной газете даже написали, что я играю современного доктора Геббельса. Но в быту я разный, в том числе мне присуща и жестокость.

— Многие зрители отмечают потрясающий драйв, органичность и чувство локтя у актёров «Коляда-Театра». Каким образом вы этого добились?

— Мы все простые люди, и театр наш очень простой. Мы и репетируем тоже просто. У нас не бывает больше одной читки пьесы, взятой к постановке. Вообще нас называют панк-театром. Из участников «Трамвая» только два человека имеют опыт работы в профессиональном театре. Далеко не у всех наших актёров есть диплом театрального института. Так что у нас — самодеятельность, в хорошем смысле слова. Николай Владимирович задает нам тему спектакля, подбирает музыку, определяет костюмы — и вперед! К примеру, «Ревизора» мы сделали за две недели. Обычно мы очень долго репетируем начало — это самое важное в спектакле. Потом всем становится понятно, про что играть.

— Не очень понятно другое. Вам всего 33. При этом несколько лет назад вы стали заслуженным артистом России...

— Так я переиграл абсолютно все: Гамлета, Ромео, Хлестакова... За десять лет много набралось главных ролей — так что, будем считать, мне повезло. Интересно, все мои герои — большие злодеи. У Коляды нет никакой романтизации ни Ромео, ни Гамлета — на этом всё и строится в этих спектаклях. Причем зло ведь очень обаятельно. Вы, наверное,

не раз отмечали, что подлецы — очень милые люди, грешат с улыбкой на устах...

— Сцена «Коляда-театра» раза в три меньше, чем в «Красном факеле». Как вы освоили это новое для вас пространство?

— Первые несколько минут было странно, что приходится играть на такой большой зал. Но вроде никто ничего не педалировал, голоса не форсировали. Конечно же, лучше всего играть в камерном пространстве — там все гораздо правдивее.

— Как влияют накладки на ход спектакля?

— А накладки у нас бывают очень часто — к примеру, стол постоянно опрокидывается и по сцене разлетаются бутылки. Но разве они могут помешать взаимодействию наших персонажей!

Юрий Татаренко

ТРАМВАЙ «ПОХОТЬ»

Трусы с расцветкой американского флага, карнавальные маски, голая женская грудь и плевки — Николай Коляда встряхнул замёрзших сибирских зрителей.

«Мое имя можно перевести с французского как белое дерево» — говорит Бланш Дюбуа в исполнении Ирины Ермоловой. Она, с показными манерами, с чемоданом платьев и

перчаток, приезжает в дом сестры Стеллы (Василина Маковцева) и её мужа Стэнли (Олег Ягодин). Но любая «сказка», любой обман может стать явью даже в окружении трущоб, где президентствует похоть, а её помощником служит пьянство.

Вся постановка Николая Коляды, словно карнавал греховных поступков. Маски, бешеные пляски, помпоны, нервный смех и громкие вздохи в такт музыки. И чтобы не происходило вокруг: избиение беременной жены, изнасилование приехавшей погостить лгуньи-родственницы, разрушение рассудка и всей жизни, — не имеет значения. Карнавал продолжается! Актёры в плавках под цвет флага Америки, и, если это не обман зрения, фотография нынешнего президента Соединенных Штатов, приклеенная к низу столешницы и сиденья стула; американский флажок в руках индейца, продающего цветы для умерших; пламенная речь Стэнли о том, что он живёт в самой лучшей стране и гордится этим — что это? Просто указание на «место рождения» произведения или попытка чего-то большего?!

Трамвай «Желание» привозит Бланш (которую муж её сестры отчетливо зовёт «Блянш», протягивая нарочито гласный звук) в квартал, где пошлость смешна и драматична одновременно. Режиссёр вводит в постановку две внесюжетные сцены, которые заставляют искривлённо улыбаться: несостоявшийся акт любви пьяной парочки, а вернее будет сказать, «акт похоти», и эротический танец около колоны из стульев двух мужчин, одного из которых можно отнести, скорее, к полным, другого — к худым.

«Коляда-театр» не превратил пошлость в «пошлятину». После первого действия практически никто из более зрелого поколения зрителей не ушел из театра. Наверное, это о чём-то говорит...

Светлана Языковская

«СЕГОДНЯ — БЛАНШ, ЗАВТРА — СТЕЛЛА»

Ирина Ермолова, заслуженная артистка России («Коляда-театр»)

Нечасто встретишь человека, который бы никогда не слышал о пьесе Уильяма «Трамвай „Желание“» и никогда не видел воплотивших ее спектаклей или фильма 50-х годов с молодыми и прекрасными Вивьен Ли и Марлоном Брандо. Для меня это воплощение — эталон, а исполнительница главной роли в спектакле «Коляда-театра» Ирина Ермолова с ним контрастирует, вызывая принципиально иную трактовку.

— Ирина, вы волновались в связи с тем, что играть спектакль предстоит не в камерном пространстве, а в Большом зале, перед изрядной аудиторией?

— Я не волновалась, поскольку привыкла играть на большой сцене. Я — актриса труппы Екатеринбургского драмтеатра, в проектах «Коляда-театра» участвую эпизодически, но они мне дороги, и эта роль подвигла к самопознанию.

— Обычно Бланш Дюбуа истощено жалко. В вашей трактовке, наоборот, ничуть не жаль, напротив, возникает даже некое удовлетворение оттого, что ее упекали в психбольницу. Возникает надежда на то, что мир, социум обретет некую гармонию, когда сепарирует, изолирует нормальных и деструктивных людей.

— О, значит, вы очень точно восприняли трактовку. Спектакль о том, что мир жесток, в нем нет места слабым и отчаявшимся. Я и не стремилась вызвать сочувствие к Бланш — моментами она лгуны и притворщица, куда более сильная, чем ее сестра или зять. Парадокс в том, что худрук постоянно чередует меня с исполнительницей роли Стеллы. Сегодня я слабая, завтра — сильная. Это похоже на реальную жизнь, в которой некогда расслабляться.

Меня не удивила и реакция на спектакль на показе в рамках фестиваля. Выйдя на поклон, я заметила, что многие зрители аплодируют, стоя, а иные бегут из зала, очертя го-

лову. В самом деле, реальное знание о себе и о мире порой бывает неприятным, вызывая негативные эмоции, отторжение. Но, если мы перестанем смотреть правде в глаза, не знаю, что из этого получится...

Ирина Ульянина

КРАСНАЯ КУНСТКАМЕРА

Вячеслав Дурненков «Экспонаты», режиссёр — Дмитрий Егоров (Омский академический театр драмы)

Редкая вещь — дерево без веток. На его верхушке еще один раритет — велосипедное колесо. Оно очень напоминает дырявый зонтик. Такую же бесполезную вещь, место которой явно не в музее.

Современная Россия — огромная помойка. Коллекция безобразий. Кунсткамера. А где экспонаты, там непременно должен быть и хранитель древностей. Хозяин сценического пространства, Распорядитель Музея, демиург с дыркой на рукаве каждому персонажу прикрепил то ли бирку, то ли ярлык, то ли ценник. Все жители города Полынска стали похожи на карликовые елки, с которых срежут новогодние подарки и через неделю выбросят за ненадобностью. На бирках крупными буквами русские имена: Клим, Оля — вот и пришла пора сдать их в Музей.

В самом начале спектакля актёры рассаживаются по краям сцены. В Полынске не знают жизни не на глазах друг у друга. В доме Зуевых на столе бутылка султыги, вместо стульев — деревянные ящики из-под напитков 70-х. А ещё — то ли уже предмет мебели, то ли еще член семьи — старый телевизор. У Морозовых — точно такой же, только работающий. Из других ценностей — выдавшая виды скатерть. Так что дорожить жителям Полынска особо нечем.

Город, где нет даже колеса обозрения, решено превратить в музей. Режиссёр Дмитрий Егоров, выросший в одном из таких городов, Петербурге, наполняет пространство спектакля целым набором артефактов: хит Юрия Шатунова «Белые розы» перепевает Ми-

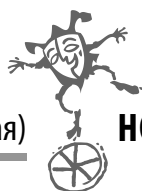
хаил Шуфутинский, вместо любви — секс в подсобке, вместо планов на будущее — выяснение отношений. Что ж, это очень по-русски: полюбились — подрались. Прямо как в телевизионных аналогах музеев — реалити-шоу «За стеклом» и «Дом-2».

В этом спектакле мы очень быстро понимаем: Полыньск — это не Рио-де Жанейро. И город-сад тут не точно не появится. Но на всякий случай постучим по дереву. Ремонтировать дома и дороги трудно — гораздо проще объявить, что отныне мы все живем в городе-музее. Это решение окончательно и бесповоротно. Потому как его «проводят в жизнь» двое важных мужчин. Когда один из них поздоровался фразой «Добрый вечер» с очень характерной интонацией, стало понятно, какие два человека руководят и Полынском, и всей Россией.

Эта неразлучная парочка в строгих костюмах предлагает жителям Полынска тоже нарядиться — в красные рубахи сарафаны. И все соглашаются не краснея. Сарказм драматурга в адрес иванов, не помнящих ничего, понятен: вернуться к своим корням можно только три раза в неделю и только за деньги. А сдать в музей вместо ещё работающего телевизора можно разве что высокие идеалы. В реальной жизни их практически не найдешь, очень уж быстро они корректируются — бензопилой. Вещью, которая ещё нам послужит.

Юрий Татаренко

ЛЁГКОЕ ДЫХАНИЕ, ИЛИ КАК СТАНОВЯТСЯ СТЕРВАМИ

«Крыша над» головой по Василию Шукшину, режиссёр Никита Гриншпун (Международный центр имени А. П. Чехова, Сахалин)

Весёлый, ненапряжный и совершенно беспартийный спектакль по рассказам Шукшина привёз на фестиваль Южно-Сахалинский театр. Играется он на одном дыхании, как и смотрится. Крыша — это не то что вы подумали. Это всего-навсего крыша дома твоего. Старая деревянная крыша, а под ней, как в шкапулке, история. В шкапулке — металлические кровати, скатерть на столе, деревянная уборная. И персонажи — не музейные экспонаты, а те самые, шукшинские, только что сошедшие со страниц. Лазят по столбам, дерутся, поколачивают друг друга, пьют самогонку. Вглядываешься в них и понимаешь: вот они, настоящие люди, а не те сериальные фантомы, что претворяются живыми. «Сцены прошлой жизни» — так обозначен жанр спектакля, но не к советским временам театр испытывает ностальгию, а к шукшинским «чудикам», которые по сравнению с нами совсем ещё дети.

И пусть женщины в этом спектакле стервозны, зато понятно, почему. Зачем Матрена Ивановна, посланная сватей, набросилась на бедных стариков: стыдно жениться, грех! А потому что ждала, что Елистратыч не старуху Отавиху, а её, Матрёну, замуж позовет. Сидит, светится вся, предвкушает. Ведь на зря же он когда-то давно под её окнами ходил, не зря же по молодости заигрывал с ней. Оказалось, зря. У Елистратыча мысли о другой. И та, другая, вот уж под ручку с ним вышагивает, вся такая воздушная, в белом, в рюшах, с летним зонтиком — не старуха-Отавиха, а девушка-мечта. Ну как тут не осыпать их проклятьями? Или жена Андрея, обманым путем купившего микроскоп. Кидается на него, лупит прутьями, выдернутыми из спинки кровати, всегда он у неё виноват, всегда крайний. Конечно, крайний. Потому что не на неё смотрит, а в микроскоп. Даже ночью, когда она стала милой и томной, опять в микроскоп! В общем, вот откуда берутся стервы.

Молодой режиссёр Никита Гриншпун обладает отличным чувством юмора. И актёры у него заражены этой волшебной бациллой. Чем серьёзнее их лица, тем смешнее выходит ситуация. Особенно в рассказе «Верую!», где всё дело происходит в пивнушке. Затрапезная советская пивнушка, поп жаждою томим так же, как и завсегда, а под пиво только о возвышенных материях и рассуждать. Высокий, седой, красивый, в белой холщовой рубашке, с густым, зычным голосом, недюжинная сила чувствуется в этом человеке, не чурася мелким земным желанием. Володька Маров на него с ножом кидается в поисках истины, а батюшка даже глазом не моргнет. И удивительное дело, именно в такой обстановке проклеветывается истина. Кто только не инсценировал этот рассказ, и везде просачивался липкий, как пот, пафос. А здесь, поди ж ты, вроде глумится над верой поп-пьяница, отхлебывая пиво из большой стеклянной кружки, а хочется провозгласить вслед за ним: «Верую!» Вот и выкрикивают это слово подвыпившие мужики, пускаясь в пляс, и у всех легко становится на душе.

Пять историй скреплены одним простым сюжетом — парень и девушка едут на те-

леге со станции в деревню. Едут и едут, вроде ничего не происходит, если не считать, что городской художник бьёт клинья к девушке, а она неприступна. Прокатились, потанцевали и скрылись со сцены, а потом появились снова, опять двадцать пять: он к ней, а она ни в какую. И так всю дорогу. В очередной раз зал встречает их хохотом. Примелькались уже. Ну, и долго она будет молчунью-недотрогу из себя корчить? А в конце поездки она говорит: посмотри, как красиво. Сможешь такое нарисовать? Красиво у нас... Так и мы. Вечно едем куда-то, торопимся, суетимся, а как красиво вокруг, не замечаем. Эх, мы!

Яна Колесинская

ШУКШИН НА ПИКЕ МОДЫ

Относительно недавно в ЖЖ-сообществе «Что читать» кто-то сетовал, что молодое поколение не читает Шукшина, считая его несовременным. Пришлось успокоить, написав, что в театре Шукшин на пике моды. Неудивительно, впрочем — в 2009 году исполнилось 80 лет со дня его рождения. В течение последнего года Новосибирск видит уже третий премьерный спектакль по рассказам Шукшина: привозной, взявший потом «Золотую Маску» спектакль Театра Наций, родной глобусовский и вот теперь сахалинский.

Для инсценировки все выбирают разные рассказы, руководствуясь, наверное, принципом: в меру комичного, в меру трагичного. Сахалинский имеет к тому же подзаголовок «Сцены прошлой жизни». И действительно, даже программа оформлена в формате газеты «Правда». А в качестве средства оформления «трудовой жизни колхозного крестьянства» использованы узнаваемые деревенский туалет, железная кровать с сеткой, оклеенный изнутри газетами шкаф, сквозь который входят-выходят персонажи, и интерьер совковой забегаловки с типичными алкашами.

А так ли уж давно была эта прошлая жизнь? И почему бы не случиться всему этому сейчас? Не мог ли и сейчас новоиспеченный «охотник на микробов» зажать из зарплаты деньги и купить микроскоп? Художник, выезжая на природу, приставать по дороге к хорошей сельянке, ведя непринужденный «светский» разговор под поповую песенку «Мон амур, мон ами»? Не говоря уж о сложных внутрисемейных отношениях персонажей рассказа «Мой зять украл машину дров» — в криминальной хронике ещё и не то увидишь. И на удивление актуальна тема, наверное, лучшего эпизода спектакля по рассказу «Бессовестные». И речь даже не о женской ревности, во все времена одинаковой, заставляющей делать мелкие и крупные пакости, а о том, стыдно ли быть счастливым и жить так, как хочется, не оглядываясь на «так положено».

Нет, не прав был тот «чточитатель». Объединенные в спектакле общим местом действия и персонажами, трагикомические рассказы Шукшина оказались современны.

Наталья Федченко

ИЗЮМИНКА ИЗУМИ

Мастер-класс художественного руководителя Izumi Ashizawa Performance, ассистента Профессора Действия и Движения в Университете Мэрилэнда (США)

В ходе трёхчасового тренинга студенты Новосибирского театрального института, актёры «Красного факела» и «Первого театра», а также представители Омска и Прокопьевска познакомились с японским стилем сценического движения. «Гремячая смесь школ театров «Кабуки» и «Но», — определила свою систему сама Изуми Ашизава.

Разбившись на две группы, актёры приступили к получению «незабываемого опыта тела». Оба выражения из уст Изуми звучали весьма интригующе. Практические действия оказались им под стать, несмотря на очевидность начального уровня упражнений.

Целью тренинга стало повышение актёрской концентрации. «Всё, что находится в нас, приходит извне». Ощутить, понять, принять эту восточную мудрость и старались участники мастер-класса. После небольшой разминки, Изуми попросила «подобрать хвосты и дышать нижним прессом, ведь это — наш центр, при этом верхняя часть тела должна быть натянута, как стрела». В таком состоянии актёры медленно и плавно приседали.

— У каждого из нас свой тип тела, свои сильные и слабые стороны, поэтому у всех это упражнение получается по-разному. Не закливайтесь на результатах, — пояснила Изуми. — Главная цель любых физических упражнений — в постижении своего тела.

На втором этапе медленных приседаний актёры останавливались в крайней нижней точке и произносили небольшие отрывки из монологов или стихотворений. Как пояснила Изуми, опуская своё тело к полу, мы становимся ближе к земле, источнику огромного количества энергии. Очень важно не расплескать её до конца упражнения.

— При этом голос тоже должен идти из нашего центра. Не закрепощайте плечи, иначе ваш голос заблудится в перенапряжённом горле. Это упражнение позволяет почувствовать, что даже минимальное движение может потребовать от нас максимальных усилий.

Участники тренинга ложились на правый бок, декламируя знакомый текст, а потом поднимались без помощи рук. Мысленно же актёры решали совсем другую задачу. «Представьте, насколько красиво изгибается ваше тело, как оно нравится публике, — обрати-

лась к ним Изуми. — Каждое ваше движение должно быть убедительным, даже в статике мы можем воздействовать на публику!»

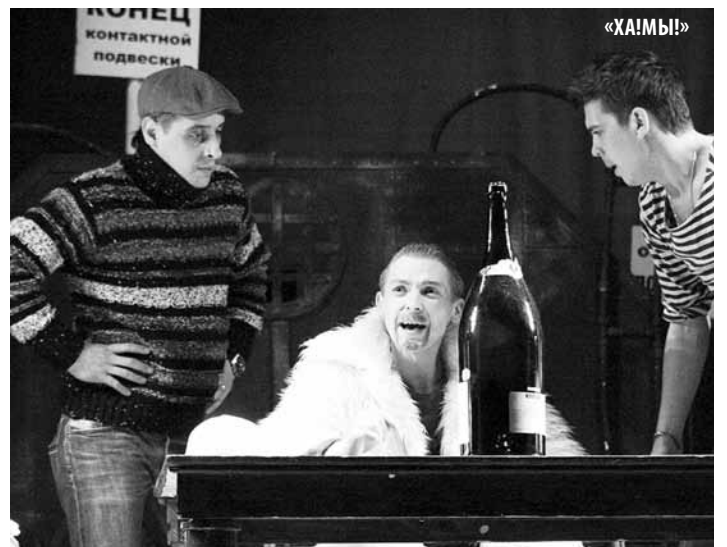
Изюминка мастер-класса Изуми обнаружилась в самом конце. Два десятка молодых россиян, выходцев из народа испокон веку «ленивого и нелюбопытного», к финалу занятия преобразилось, поразив какой-то бойцовской собранностью. Тренинг показал, насколько важно для актёра думающее тело.

Юрий Татаренко

«КОРАБЛЬ, НИНА, НАДЯ, ЛЮБКА... ВНИЗУ ИНТИМ, А СВЕРХУ ШЛЮПКА»

«Ну, сперва я как обычно решил немного кондаков, гляжу девка, ну, я думаю — дело на мази, карманы то у нее широнина, решил для начала телефон стрелков, чтоб долго телефон не катать, а тут вдруг двое хрячков — голубничая, в общем, тема, ну я сразу обоим решил битковок, бахнул им прямо в кривонос, так что они давай от меня колесник навораживать...»

«Ну, это же бред, бред!
Впереди еще спектакли семнадцати театров!»

Александра Лаврова, член жюри фестиваля — о «Транзитах»:

— Изначально «Транзит» был заявлен как очень мощный фестиваль. И поначалу они навели такого шороху! Первые «Транзиты» были очень веселы, интересны, предвостительны. Потом у фестиваля произошел какой-то спад, и если честно, был момент, когда я потеряла его из виду. А вот на предыдущем фестивале, в Барнауле, афиша снова была замечательная: неслучайно же сразу три спектакля, показанные там, поехали потом на «Золотую Маску»! Остановившись в Новосибирске, фестиваль, конечно, потеряет ту прелесть, которая предполагалась при его рождении. Потому что транзит — это колеса, это переезды. И в этом была особая романтика. Но с другой стороны, передвижной характер фестиваля обнаружил большие организационные проблемы. Но я думаю, все они будут решены благодаря тому, что теперь этим займется постоянно действующая команда фестиваля — опытная и компетентная.

Олег Теплоухов, актёр Омского академического театра драмы — о работе над «Экспонатами»:

— С режиссёром Митей Егоровым мы познакомились на «Транзите» в Омске, когда он еще учился на театрального критика в Питере. Потом он стал писать пьесы и ставить спектакли. Дмитрий и предложил нам сделать пьесу «Экспонаты», которая была показана в рамках Международной лаборатории по современной драматургии, что регулярно проходит на базе нашего театра. И несмотря на то, что современным текстам не откажешь в остроте и резкости, наш спектакль рождался в атмосфере любви.

Валерия Лендова, театральная критик (Новосибирск) — о новокузнецкой «Дуэли»:

— Первый акт я смотрела с каким-то сопротивлением. Сказал же философ Лев Шестов: «Творчество из ничего». И я смотрела и думала: господа, ну из ничего ведь творят! Но второй акт меня так захватил, так увлек... Я поняла, что любая жизнь — грешная, лживая, жалкая — соотносится со смертью, с небытием, и вот тут и начинается конфликт, настоящая драма. Мне кажется, артисты сыграли очень сильно, очень искренно. Сыграли тихо, никого ни в чем не уверяя, и потому — пронзительно. Финал сыгран просто изумительно. И если с этого начинается фестиваль, если так все пойдет и дальше, то нас ждет много радостных открытий.

Анатолий Ахреев, режиссёр, преподаватель Новосибирского театрального института — о Красноярских «Тёмных аллеях»:

— Мне очень понравился этот спектакль! Работа режиссера просто великолепна! До начала я сомневался, кому сегодня можно адресовать Бунина. И к финалу первого акта я понял, что режиссер говорит нам о России, которую мы потеряли, о том, что больше никогда не будет таких мужчин и женщин и такого эротизма в отношениях между ними. Отсюда корабль, отсюда Константинополь. И, конечно же, отдельного восхищения заслуживает то, как работает Рыбкин со своими артистами. Они и сами по себе очень высокого уровня, а режиссер еще и тащит их до Бунина, до высокой литературы. Поэтому для меня этот спектакль профессионально безупречен и по-человечески убедителен.

Андрей Новашов, журналист (Прокопьевск) — о спектакле «Мы, герои» Екатеринбургско-го ТЮЗа:

— Мне бы хотелось посмотреть его еще раз. На мой взгляд, эта постановка будет претендовать на призы фестиваля. Хотя он и не захватывает зрителя сразу. Зато какой потрясающий финал! Замечательно работают актёры и в музыкальных номерах. А когда под видом вина публике раздали вишневый сок, у меня сложилось полное ощущение того, что я отмечаю помолвку героев пьесы рядом с ними за праздничным столом.

Одна из важных тем, затрагиваемых в спектакле — проблема торжествующего инфантилизма, когда человек пора взрослеть, а он этого не хочет и просто прячется или убегает от реальности.

Юрий Шатин, театральная критик (Новосибирск) — о «Трамвае „Желание“» Н. Коляды:

— Текст должен существовать сам по себе. Еще Питер Брук говорил, что надо освободить драму от литературности. Есть пьесы, которые требуют очень большого сопротивления материала. И когда оно проявляется — можно говорить об удавшемся спектакле. Я смотрел около двадцати «Трам-

ваев», и, пожалуй, только этот спектакль — наряду с постановкой Сергея Афанасьева в ГДТ — не скучно смотреть.

Сергей Самойленко, журналист (Новосибирск) — о «Трамвае „Желание“» Н. Коляды:

— Этот спектакль может нравиться, может не нравиться, но в нём столько драйва, столько vitality, что это не может не заражать. Любые накладки можно простить, когда имеешь дело — с Театром. Сильные актёрские работы — Стенли и Бланш. Ну и масовка, конечно, производит мощное впечатление. Видно, что ребята просто ловят кайф на сцене.

Владимир Лемешонок, актёр «Красного факела» (Новосибирск) — об омских «Экспонатах»:

— Очень хороший театр. Содержательные актёры. Как говорится, живые глаза на спокойном лице. Режиссёр может только выявить — и только то, что есть. И в этом спектакле режиссёрская рука ощущается. Можно даже сказать, постановщик поработал не меньше артистов. Что касается ненормативной лексики, о которой так много споров... Лично я мат люблю. Это замечательная составная часть русской речи — умная и терпкая. Когда говорят, что мат признак бескультуры — это ханжество. Множество умнейших и талантливейших людей матерились, но как они это делали! Одно дело, когда человеку не хватает словарного запаса, чтобы выразить свои мысли. А некоторые умеют сматериться вовремя и очень остроумно. По-моему, это прекрасно. Так же и на сцене. А в этом спектакле нет нецензурного прессинга, нет мата ради мата. Люди смеются, потому что в спектакле очень узнаваемы те моменты, когда вдруг в нашей речи проскальзывает матерок.

Парк-отель «МанжерОК»

70 м

Гостиница
Ресторан
Сауна
Бильярд
Бассейн

Незабываемый отдых круглый год на Горном Алтае в живописном месте на берегу Катуня

Дирекция:
г. Новосибирск
тел.: 8-913-985-01-07,
8-913-947-30-73

Горный Алтай
тел.: 8-913-693-8600,
8(38844)28-5-26

www.manzherok-hotel.ru, manzherok-hotel@mail.ru

Фестиваль «Ново-Сибирский транзит» благодарит

тайга.инфо

